

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Е.В. Ивановой на тему: «Похищение человека: квалификация, ответственность», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08. –Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Актуальность темы исследования сомнений не вызывает, вместе с тем основное значение научной работы Е.В. Ивановой определяется не столько важностью для современной практики применения нормы ст. 126 УК РФ, сколько вкладом в познание природы этого состава похищения человека и раскрытия замысла законодателя, который в силу непонятных причин явно пожалел слова для его легального определения, ограничившись названием преступления.

Целью исследования, по заявлению диссертанта, является разработка модели уголовно-правовой охраны личной свободы от похищения человека. Казалось бы, такая модель уже есть, она создана законодателем и исполнена практикой применения ст. 126 УК РФ, однако, несмотря на большое количество работ по данной теме, содержание законодательной модели похищения человека остается «вещью в себе».

Ознакомление с задачами диссертационной работы показывает, что автором действительно преследовалась цель изучить работоспособность действующей модели ответственности за похищение человека и

выявить слабые места в ее реализации. В принципе, под моделью уголовно-правовой охраны личной свободы можно понимать логическую структуру основания уголовной ответственности за похищение человека, которая «извлекается» из закона посредством анализа его смысла и развертывания признаков состава преступления применительно к конкретным ситуациям. Если модель понимать в таком виде, то можно сделать вывод, что содержание диссертационного исследования соответствует обозначенным задачам.

Диспозиция статьи 126 УК РФ сформулирована настолько абстрактно, что вопрос о ее соответствии принципу формальной определенности становится центральным для любого исследователя, пытающегося определить границы состава рассматриваемого преступления. Единственное, что, на наш взгляд, спасало норму статьи 126 УК РФ от признания ее неконституционной, являлось то, что в судебной практике был сформирован относительно единообразный подход к определению существенных признаков понятия «похищение человека». Этому способствовало определение состава похищения человека, которое было дано в постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 18.04.2001 № 204 п 01. Соискатель отнес проблему слабой формальной определенности нормы к числу наиболее важных, выделив ее в положении, вынесенном на защиту под № 4, что позволило сосредоточить основные усилия на создании научно-практической базы для повышения уровня определенности данной нормы уголовного права. Это очень важная и, можно сказать, центральная задача была диссертантом решена на основе **оригинального исследования** особенностей реализации ст. 126 УК в реальной жизни, что определяет **научную и практическую значимость исследования**.

Обоснованность выводов и рекомендаций диссертанта, а также **доверие к полученным результатам** подтверждается самостоятельным изучением не только опубликованных приговоров по делам о похищении человека (а их немало даже по самым строгим меркам - 1 304 приговора), но

и анализом материалов архивных уголовных дел (изучены материалы 44 уголовных дел, содержащихся в архиве одного из районных судов Санкт-Петербурга). Последнее является особенно важным, поскольку в материалах конкретных уголовных дел нередко содержатся сведения, отражающие природу преступления во всем многообразии ее реального проявления в жизни. Этот факт уже сам по себе заслуживает высокой оценки, поскольку такое исследование требует очень больших трудовых затрат и его результаты отличаются максимальной приближенностью с реальной действительности, а не той, которую нам преподносит судебная статистика.

Этот подход диссертанта позволил также четко обозначить **новизну диссертационного исследования**, которая могла бы быть под большим сомнением в силу наличия многочисленных публикаций по данной теме. Сомнение могло бы возникнуть не только в силу большого числа научных трудов по теме, но и в связи с тем, что диспозиция статьи не менялась с момента принятия действующего Уголовного кодекса РФ. Внимание исследователей было сосредоточено в основном на тех признаках похищения человека, которые были даны в упомянутом выше определении Президиума Верховного Суда РФ и на которые суды ссылались в приговорах как на законодательную дефиницию: «По смыслу закона под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением с места его постоянного или временного проживания с последующим удержанием против его воли в другом месте».

Не обойдены вниманием указанные признаки и в диссертации Е.В. Ивановой, что сближало настоящее диссертационное исследование с десятками других подобных работ, однако автору удалось вырваться из круга повторяемых из диссертации в диссертацию суждений за счет перенесения акцента с этих традиционных позиций на те проблемные аспекты применения нормы ст. 126 УК РФ, которые связаны с особыми правовыми отношениями между похитителем и похищаемым. Речь идет о возможности

и основаниях уголовной ответственности родственников ребенка при его противоправном изъятии. Кроме того, затронуты слабо изученные вопросы разграничения состава ст. 126 УК РФ с составом ст. 301 УК РФ; квалификации подмены ребенка по совокупности с похищением человека и некоторые другие сложные вопросы, возникавшие в на практике.

Можно было бы привести также иные достоинства работы, однако не менее важной задачей для оценки качества исследования является анализ дискуссионных аспектов работы.

Так, интересной, представляется попытка автора увязать признаки состава похищения ребёнка с правовым статусом похитителя, в частности, посредством обращения к нормам Семейного кодекса РФ. Как отмечает диссертант, «правовой статус не лишенных родительских прав родителей, лиц, лишенных родительских прав, иных близких родственников различается, что следует из норм Семейного кодекса РФ и данное обстоятельство существенным образом влияет на перспективы уголовной ответственности таких лиц».

Что касается необходимости учитывать степень родства при квалификации подобного рода деяний, то здесь вполне можно согласиться с автором. Однако попытка сформулировать разные основания ответственности родителей в зависимости от того, лишены или не лишены они родительских прав, представляется нам спорной. Мы же квалифицируем не похищение вещи, относительно которой у лица отсутствует право собственности, а рассматриваем факт противоправного завладения ребенком родным отцом или матерью. В этом случае факт лишения родительских прав можно признать правонарушением с позиции определенных Семейным кодексом РФ правил общения с ребенком или нарушением определённых запретов. Однако вряд ли это является существенным обстоятельством применительно к реальной связи между ребёнком и родителем, включающей не только права и обязанности, но и фактическую близкую кровную связь, особые чувства отца, матери и соответственно, ответные чувства ребёнка. К

тому же не надо идеализировать судебную практику лишения родительских прав. Она сама вызывает очень много вопросов.

Если же речь идёт о наличии опасности для жизни и здоровья ребенка, либо о существенной опасности для его воспитания в случае похищения лишенным родительских прав лицом, например, наркоманом или хроническим алкоголиком, то для уголовной ответственности есть и другие основания, предусмотренные нормами гл. 20 УК РФ - Преступления против семьи и несовершеннолетних.

Такое же замечание относится и к предлагаемой диссертантом разной уголовно-правовой оценке завладения ребенком в зависимости от того, является ли родитель гражданином России или у него иностранное гражданство и ребенок вывозится в другую страну. Например, жизнь, как наиболее ценное благо, охраняется нашим уголовным законом независимо от гражданства потерпевшего и виновного лица. Почему же свободу ребенка в том понимании, какое обозначено в диссертации, предлагается охранять по-разному в зависимости от этого статуса?

Автора можно понять в стремлении защитить наши национальные интересы и поставить под особую охрану права ребенка, имеющего российское гражданство, поскольку при его перемещении за пределы нашей страны значительно уменьшаются возможности судебного урегулирования споров, а в некоторых случаях появляется даже опасность для его жизни. С этим можно согласиться, но следует учитывать, что нормы международного права, особенно в практике межгосударственных двусторонних договоров обычно строятся на принципе взаимности.

В связи с этим оценка факта изъятия ребенка иностранным гражданином у матери с российским гражданством может быть использована для ответной правовой реакции иностранного государства в случаях, когда российская гражданка, например, использует единственный для нее возможный способ сохранить свои материнские права посредством тайного вывоза своего ребенка из иностранного государства на территорию России.

Представляется, что такие сложные вопросы лучше решать с помощью иных правовых инструментов, например, той же Гаагской Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 года. Представляется, что уголовная ответственность за похищение ребенка, связанного с перемещением его на территорию другого государства, может быть выше, чем при обычном похищении. Такие действия можно квалифицировать как более тяжкое преступление, но подобная квалификация, на наш взгляд, должна быть одинакова для всех лиц, независимо от их гражданства.

Мы могли бы привести и некоторые другие примеры суждений соискателя, которые следует назвать дискуссионными, однако не считаем необходимым это делать, поскольку каждое такое суждение, как, впрочем, и критикуемое нами выше, сопровождается достаточно стройной развернутой аргументацией автора, что не может не вызывать уважения. У каждой проблемы, как известно существует несколько вариантов ее разрешения. Автор предлагает свои варианты и смысл защиты видится нам как способ отстоять их обоснованность.

В целом ознакомление с диссертацией позволяет сделать вывод, что она является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей важное значение для развития науки уголовного права и криминологии. Диссертация Е.В. Ивановой написана самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, совокупность которых свидетельствуют о личном вкладе автора в науку уголовного права.

Таким образом, представленная на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08. – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право диссертация Ивановой Евгении Владимировны на тему: «Похищение человека: квалификация, ответственность» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней

в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Иванова Евгения Владимировна заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08. –Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Пункты 9 и 11 указанного Порядка диссертантом не нарушены.

Член диссертационного совета
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры Уголовно-правовых дисциплин
Университета прокуратуры РФ Н. И. Пикуров

02.04.2021 г.

Николай Иванович Пикуров, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», доктор юридических наук (12.00.08), профессор.

Контактная информация: 107078, г. Москва, ул. Новая Басманная, д. 10, стр. 1, каб. 711; тел.: +7 (499) 256-54-63; 8(495)623-13-07; официальный сайт: www.agprf.org; e-mail: E-mail: pikurovni@mail.ru

Подпись Пикурова Н.И. заверяю:
Заведующий
отдела государственной службы и кадровой работы
Университета прокуратуры
Российской Федерации
Бурбин И.В.
05 апреля 2021 г.

